

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 39 (=352.3) + 94 (470.62)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-79-110

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА КРОВНОЙ МЕСТИ У НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX В.: ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ, КАЗУСЫ****А.С. МИРЗОЕВ**

*Институт гуманитарных исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Аннотация. В статье, на основе архивных документов, рассматриваются особенности обычного права кабардинцев в делах, связанных с убийствами и кровной мезтью, система композиций и ее нормы в зависимости от сословной принадлежности участников конфликта, институт барамта, влияние установленного в регионе российского административного контроля на обычно-правовую практику народов Северного Кавказа, ее трансформация, отличительные черты социальной психологии представителей аристократических сословий, их представления о сословной чести и способах ее поддержания. Несмотря на большое количество исследований, посвященных обычному праву и традиционным общественным институтам народов Северного Кавказа, в том числе кабардинцев, эта тематика не может считаться всесторонне изученной. С 1822 г. в Кабарде дела «кровомщения» официально были изъяты из подсудности традиционных медиаторских судов и переданы военным судам для рассмотрения в соответствии с российским законодательством. По факту же колониальная администрация действовала не по «букве» закона, а в соответствии с политической ситуацией и учитывая местные обычаи. Анализ документов показал, что в 1840-е гг., ознаменованные активизацией и успехами народов Западного и Восточного Кавказа в антиколониальной войне, начальство Центра Кавказской линии, куда административно входили кабардинцы и карачаевцы, проводило гибкую и рациональную политику в судебно-административной сфере. Эта политика способствовала переходу от практики кровомщения к использованию более компромиссных форм урегулирования конфликтов, вызванных кровопролитием.

Ключевые слова: кабардинцы; карачаевцы; князя Атажукины; кровная мезть; «цена крови»; система композиций; барамта; Кабардинский временный суд; сословная честь.

**TRANSFORMATIONS OF THE INSTITUTION OF BLOOD FEUD AMONG
THE PEOPLES OF THE CENTRAL CAUCASUS
IN THE LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY:
FACTORS, MECHANISMS AND CASES**

A.S. MIRZOEV

*Institute for Humanitarian Research of the FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
360051, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Abstract. The article, on the basis of archival documents, examines the features of the customary law of Kabardians in cases related to murder and blood feud, the system of compositions and its norms depending on the social status of the parties to the conflict, the institution of *baramta*, the impact of the Russian administrative control established in the region on the customary law implementation in the social practices of the peoples of the North Caucasus, its transformation, the distinctive features of the social psychology of representatives of the aristocratic estates, their ideas about class honor and ways of maintaining it. Despite the large number of studies devoted to customary law and traditional social institutions of the peoples of the North Caucasus, including the Kabardians, this topic cannot be considered comprehensively studied. Since 1822, in Kabarda, cases of "blood feud" were officially removed from the jurisdiction of traditional mediation courts and transferred to military courts for consideration in accordance with Russian law. In fact, the colonial administration did not act according to the "letter" of the law, but in accordance with the political situation and taking into account local customs. An analysis of the documents showed that in the 1840s, marked by the activation and success of the peoples of the Western and Eastern Caucasus in the anti-colonial war, the leadership of the Center of the Caucasian Line, which administratively included Kabardians and Karachais, pursued a flexible and rational policy in the judicial and administrative sphere. This policy facilitated the shift from the practice of blood revenge to the use of more compromise forms of resolution of conflicts caused by bloodshed.

Keywords: Kabardians; Karachais; Princes Atazhukins; blood feud; «price of blood»; composition system; *baramta*; Kabardian interim court; estate honor.

Обычное право народов Северного Кавказа давно стало предметом научного исследования представителей различных направлений гуманитарной науки – истории, этнографии, юридической антропологии. Этой теме посвящено значительное количество работ как дореволюционных российских исследователей (Л.Я. Люлье [Люлье 1866], Н. Грабовский [Грабовский 1870], А. Абрамович [Абрамович 2003], М.М. Ковалевский [Ковалевский 1890; Ковалевский 1886], Г.В. Новицкий [Новицкий 1829] и др.), так и современных.

Сбор и фиксация норм обычного права народов Северного Кавказа были инициированы российским военным руководством еще в период военно-колониационного освоения региона Российской империей в практических целях. «Исходя из стратегических политических задач на Кавказе, российское правительство, – отмечает Е.И. Кобахидзе, – уже первые свои шаги в административном освоении края связало со сферой судопроизводства, которая

ранее других сфер жизнедеятельности горских обществ подверглась стандартизации и унификации в соответствии с общероссийскими установлениями...» [Кобахидзе 2009: 229]. Характерной чертой имперской судебной системы, которую начали устанавливать на Северном Кавказе с конца XVIII в., был полиюридизм: применение российских государственных законов наряду с традиционными нормами обычного права (адатом) и шариатом. На первом этапе тяжелые уголовные преступления должны были судиться по законам Российской империи, менее тяжкие, а также гражданские дела – по адату и шариату. Такая стратегия актуализировала перед местными администрациями задачу более близкого ознакомления с обычно-правовой нормативной системой организации жизнедеятельности всех народов Северного Кавказа. Результатом этой работы явились первые систематизированные сборники адатов. Изначально бывшие документами служебного пользования, со временем они стали доступными для широкого круга исследователей. Нормы обычного права народов Северного Кавказа неоднократно издавались в дореволюционное, советское и современное время [Леонтович 1882; Адаты... 1899; Материалы Шарданова... 1986; Правовые нормы... 1997; Сборник документов... 2003].

Обычное право кабардинцев стало предметом научного исследования в работах В.К. Гарданова [Гарданов 1960; Гарданов 1967], Х.М. Думанова [Думанов 1988], В.Х. Кажарова [Кажаров 1994], И.Л. Бабич [Бабич 1999], Т.М. Катанчиева [Катанчиев 2003], З.Х. Мисрокова [Мисроков 2002], А.М. Маремкулова [Маремкулов 2005], А.Х. Абазова [Абазов 2009; Абазов 2013], П.А. Кузьминова [Кузьминов 2000] и других авторов.

В изучении традиционных общественных институтов, обычно-правовой практики кабардинцев и для целей настоящей статьи важна работа В.Х. Кажарова [Кажаров 1994]. В ней он показал, что в условиях первой половины XIX в. в Кабарде имел место глубокий кризис традиционной системы социорегулятивных норм и предложил методику реконструкции их исходных форм и фиксации их динамики и переходных вариаций.

Отдельные аспекты правоприменительной практики норм адата в ходе интеграции народов Северного Кавказа в российское правовое пространство, в том числе на основе анализируемого в данной статье дела, рассматривались в работах Х.М. Бекулова [Бекулов, Бекулова 2019; Бекулов 2011].

Цель данной статьи – исследовать состояние ряда традиционных соционормативных институтов в обществах Центрального Кавказа в условиях установления военно-политического и судебно-административного контроля Российской империи на материалах архивного дела об урегулировании межобщинного конфликта, возникшего в результате убийства карачаевцем молодого кабардинского князя Адильгирея Атажукина [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535].

Кризис традиционных общественных институтов и сословного статуса кабардинских князей

Установление на Северном Кавказе российской административно-правовой системы с конца XVIII в. и политика имперской администрации были направлены на постепенное изживание традиционных институтов местных народов как несовместимых с российской судебной-правовой системой.

Ввиду военно-политического доминирования на Северном Кавказе и занимаемого важного стратегического положения, Кабарда одной из первых подверглась установлению в ней российских административных порядков [Дельпоццо 2001: 41].

Первый этап процесса интеграции Кабарды в российское административно-правовое пространство был связан с учреждением «родовых судов и расправ» и Верхнего пограничного суда в Моздоке в 1793 г. Родовые суды и расправы разбирали гражданские дела и мелкие уголовные преступления на основе адата. Убийства, вооруженные грабежи и другие крупные уголовные преступления были изъяты из компетенции обычного права и разбирались по законам Российской империи в Верхнем пограничном суде. Однако работа этого судебного учреждения, как отмечает Е.И. Кобахидзе, наглядно продемонстрировала принципиальную несовместимость российского судопроизводства с традиционной юридической практикой северокавказских народов, поскольку изъятие из подсудности традиционных медиаторских судов дел «кровомщения» и причисление их к разряду уголовных, каковыми они представлялись в соответствии с российским законодательством, предусматривало иную систему наказаний, несвойственную обычно-правовым механизмам регулирования подобных конфликтов у северокавказских народов [Кобахидзе 2009: 230].

Практиковавшаяся у народов Северного Кавказа система композиций, позволявшая наказать преступника, остановить кровную месть и вместе с тем сохранить честь пострадавшей стороны, выглядела в глазах местных народов более гуманной, чем наказание подобных преступлений по российским законам. Физические наказания розгами, клеймение преступников, заключение в тюрьму, ссылка в Сибирь, предусмотренные в таких случаях имперским законодательством, были настолько неприемлемы для горцев, что для них смертная казнь выглядела предпочтительней. Столь грубое вмешательство во внутреннюю жизнь и административно-судебное устройство Кабарды вызвало в ней мощное антиколониальное движение, которое привело к отмене «родовых судов и расправ» в 1807 г. и учреждению мехкеме («духовных судов»).

С этого времени начинается второй этап кризиса общественных институтов и обычно-правовой системы. Уголовные дела, связанные с убийствами, должны были судиться по нормам шариата [Ногмов 1947: 107]. Убийцу наказывали не родственники убитого, а «духовные суды». Месть осуществлялась от имени Бога и приобретала, таким образом, внеличный характер [Кажаров 1994: 417]. Надо отметить, что в этот короткий

исторический период (1807-1822 гг.) относительной самостоятельности Кабарды во внутренних вопросах, кровная месть была обуздана и взята под контроль. Даже князья опасались совершения убийств, так как по законам шариата, независимо от сословной принадлежности убийцы, он должен был быть подвержен смертной казни. По адату, в случае убийства кабардинским князем представителя нижестоящего сословия, он не мог стать объектом кровной мести, а должен был только уплатить семье убитого «цену крови» в соответствии с его сословным статусом. Кроме того, в отличие от адата шариат разграничивал умышленные и неумышленные убийства, что также являлось новым в судебной практике кабардинцев [Кажаров 1994: 417-418]. В случае умышленного убийства его ждала смертная казнь, в случае неумышленного – выплата материальной компенсации [Леонтович 1882: 254]. Причем мехкеме уравнила «цену крови» для князей и дворян, изменив традиционную систему композиций. «Если кто нечаянно убил, то за кровь платит 1500 р. серебром ближайшему наследнику» [Леонтович 1882: 254].

Начало третьего этапа интеграции Кабарды в административно-правовую систему Российской империи можно датировать 1822 годом. Учреждение Ермоловым Кабардинского временного суда в 1822 г. привело к отмене мехкеме. В ведение Кабардинского временного суда передавались гражданские дела, некоторые преступления – «маловажные проступки», по определению генерала Ермолова. К уголовным же преступлениям кабардинцев Ермолов отнес «убийство, измену, возмущение в народе, побег за пределы линии с злым намерением, подвод хищников к злодействам и сношение с ними, набеги на границы линии, нападения и хищничества в оной, обнажение оружия в ссорах с причинением ран», которые «разбирательству суда сего не принадлежат и подвергаются вообще законам и строгости военной» [Правовые нормы... 1997: 114].

Жесткие меры Ермолова, неуклонное следование букве ермоловских прокламаций последующих российских военных начальников привели к росту антироссийских настроений среди кабардинцев. Половина населения Кабарды с 1822 по 1825 гг. бежала за Кубань. В результате, к началу 30-х гг. XIX в. за Кубанью в более чем 60 аулах проживало не менее 25 тысяч кабардинцев [Бейтуганов 1993: 90]. Переселившиеся за Кубань кабардинские князья стали вдохновителями и организаторами многочисленных военных акций на Кавказской линии.

По адатам кабардинцев личность князя была неприкосновенна для нижестоящих сословий. Нормы адата, касавшиеся сословных привилегий кабардинских князей, признавались подвластными им народами. Карачаевское общество формально, до покорения его в 1828 г. российским генералом Эммануэлем, продолжало считаться подвластным кабардинским князьям [Правовые нормы... 1997: 53, 284; Абрамович 2003: 25-26; Кумыков 2017: 147].

Неприкосновенность личности кабардинских князей подтверждает Терско-Кубанская сословная комиссия, которая в своей пояснительной записке в 60-х гг. XIX в. писала: «За убийство князя в древнем народном обычае не полагалось даже и меры наказания, ибо положение князя в народном понятии

было так высоко поставлено, что не могло быть мысли о совершении этого преступления, а следовательно, и не существовало и меры наказания. С начала нынешнего столетия были два – три случая убийства князей; виновные и их семейства были или истреблены, или изгнаны...» [Кумыков 2017: 125-126].

Убийство дворянина самого знатного рода и даже черкесского князя, но не из кабардинцев, могло быть урегулировано выплатой так называемой «цены крови», значительной по размеру и обременительной для целого общества. В случае же с убийством кабардинского князя выплата материальной компенсации не предусматривалась. Согласно материалам Терско-Кубанской сословной комиссии, по народным обычаям «убийца и все взрослые его родственники мужского пола предаются смерти, остальные же, т.е. дети и женщины, поступают в рабство наследнику убитого; дома же и имущество, как виновного, так и его родственников, обрекаются на разграбление. Насколько известно, подобного рода убийства ... во время независимости Кабарды никогда не случались. В 1862 году был убит сын князя Алхаса Мисостова Камбулат холопом ворков¹ Захоховых. Убийца немедленно поплатился жизнью, и родственники его были переданы братьям убитого без всякого вознаграждения Захоховых. ...по кабардинскому обычаю, такое решение было очень снисходительно, и снисхождение это было оказано лишь потому, что в 1862 году не было уже никакой возможности применять к настоящему случаю древний обычай Кабардинцев» [Кумыков 2017: 39].

Такие суровые меры должны были обеспечить неприкосновенность жизни и достоинства князей для всех представителей нижестоящих сословий.

О том, что высокий статус кабардинских князей признавался соседними кавказскими народами, свидетельствует случай, имевший место в 1835 г. с русским разведчиком Ф. Торнау. Как-то, во время его нахождения в Абхазии, он столкнулся на узкой горной дороге с известным абазинским наездником-абреком Богоркан Ипа. В нескольких шагах от места встречи в засаде находилось еще человек восемь абреков. Ф. Торнау путешествовал под видом черкесского дворянина и при встрече с Богоркан Ипа не уступил ему дорогу. Он хорошо знал обычаи, психологию горцев и поступил так намеренно, чтобы не вызвать подозрения и не выдать себя. Дело в том, что «по горскому обыкновению, – писал Ф. Торнау, – когда встречаются незнакомые люди, уступает дорогу тот, кто чувствует себя ниже званием или слабее. Дворянин черкесского рода скорее станет драться, чем своротит для абазина» [Торнау 1999: 112]. Между ними произошло столкновение, которое могло кончиться не в пользу Торнау, если бы находчивый переводчик не догадался назвать своего спутника кабардинским князем и не напомнил бы Богоркану о страшном кровомщении, неизбежном при оскорблении или убийстве такой личности. Несмотря на то, что место, где произошло столкновение, было довольно далеко от Кабарды, абазинский дворянин предпочел не ввязываться в конфликт с мнимым кабардинским князем [Торнау 1999: 112-114].

¹ Уорки – сословие черкесских дворян.

Разрабатываемая А.П. Ермоловым система мер по приведению Кабарды к полной покорности не могла не учитывать роли традиционных соционормативных институтов, обеспечивающих, помимо прочего, личную безопасность князьям, оказавшим сопротивление царизму. До второй половины XVIII в. Российская империя проводила политику привлечения на свою сторону кабардинских князей. В XVIII – начале XIX в. народы Центрального Кавказа – карачаевцы, абазины, балкарцы (за исключением жителей Черекского ущелья), значительная часть осетин и ингушей подчинялись власти кабардинских князей [Гарданов 1967: 163]. Используя их влияние, российское правительство стремилось установить свой контроль в регионе. При этом российские власти не вмешивались в отношения кабардинских князей с подвластными им народами, не покушались на их политические и социальные привилегии. Неприкосновенность княжеских особ служила одним из средств поддержания в стабильном состоянии традиционных общественных институтов и социально-политической системы на Центральном Кавказе. Но с первой четверти XIX в. их разрушение колониальная администрация стала рассматривать как одно из средств успешного управления покоренным краем. Вот почему военное командование на Кавказе призывало кабардинских дворян и крестьян не считать непокорных князей за неприкосновенных особ [Кажаров 1994: 419]. В прокламации Ермолова от 1 августа 1822 г. указывалось: «узденям и простому народу повелеваю, при всякой встрече с изменниками, действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют» [Правовые нормы... 1997: 110]. При этом он предупреждал, что «если простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием» [Правовые нормы... 1997: 110]. Таким образом, в отношении князей, лишенных правительством «прежних достоинств», не только допускались, но и прямо поощрялись убийства. Тем самым снималось одно из существенных ограничений кровной мести, не допускавшейся по отношению к представителям княжеских фамилий со стороны нижестоящих сословий. «Официальное поощрение убийства князей, признанных «изменниками», – отмечал В.Х. Кажаров, – создавало в общественной морали кабардинцев незримую основу для снятия запретов на подобные действия и против «благонамеренных» князей, которые преданно служили новым властям. Борьба с непокорными владельцами оказывала обратное, дестабилизирующее воздействие на социальную иерархию в «мирной» Кабарде, разрушая прежние рамки функционирования кровной мести» [Кажаров 1994: 419-420].

Убийство Адильгирея Атажукина и завязка конфликта

Для того, чтобы предотвратить эмиграцию кабардинцев к непокорным горцам и постепенно адаптировать их в российское административно-правовое пространство, местное начальство вынуждено было корректировать свою политику в сфере судопроизводства. Убедившись в невозможности разбирательства всех случаев убийства на основе только законов Российской империи, «в дальнейшем, в порядке исключения и в качестве особой милости,

царская администрация на Кавказе разрешила разбирать в Кабардинском временном суде и дела, касавшиеся убийства, если эти дела носили частный характер и не были связаны с государственными преступлениями» [Материалы по обычному... 1956: 13]. К середине XIX в. этот процесс уже достиг определенных успехов.

В этом отношении представляет интерес архивное дело «О междоусобии происходящем у закубанцев (кабардинцев с карачаевским народом)» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535]. В нем нашли отражение особенности обычного права народов Северного Кавказа, касающиеся кровной мести, барамты, системы композиций, а также политика российских властей по отношению к местным обычаям и правовым системам в зависимости от политических интересов российской администрации, учитывающих конкретную социально-политическую обстановку в регионе. В основе его лежит история убийства карачаевцами кабардинского князя Адильгирея Атажукина и последовавшие затем события. Начатое в 1843 г., оно было окончено через 16 лет в 1858 г. К урегулированию конфликта были привлечены высшие чины кавказской военной администрации: главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенант князь Воронцов, временно командующий войсками Кавказской линии генерал-лейтенант Завадовский, начальник Центра и Правого фланга Кавказской линии, командующий войсками генерал-лейтенант Гурко, пристав карачаевского народа генерал-майор Султан Азамат Гирей, начальник Правого фланга Кавказской линии генерал-майор Ковалевский, начальник штаба Кавказских войск генерал-адъютант князь Барятинский, начальники Центра Кавказской линии за этот период – генерал-майор князь Голицын, полковник Хлюпин, генерал-майор князь Эристов, генерал-майор Грамотин, начальник Кабардинского округа Терской области генерал-майор Орбелиани.

Как следует из материалов дела, причиной конфликта между одной из самых влиятельных в прошлом кабардинских княжеских фамилий Атажукиных и карачаевцами стало убийство в ноябре 1843 г. 18-летнего князя Адильгирея Атажукина карачаевцем Мусаби Бадчиевым. Молодой князь находился у своего воспитателя (быфадэ) – кабардинского дворянина Хаджи Хагондокова в ауле Хасаут. К этому времени Атажукины проживали в Кабарде, в части Закубанья, находившейся под контролем российской администрации, и в Абадзехии. Проживавшие среди абадзехов¹ Атажукины считались абреками – лицами, находящимися вне российских законов. Атажукины, жившие в Кабарде и части Закубанья, были российскими подданными.

Убийство произошло на бытовой почве. Карачаевцы выгнали отары овец на земли, принадлежавшие кабардинцам, и потравили сено. Хаджи Хагондоков отправил к ним на переговоры Адильгирея Атажукина. В результате вспыхнувшего конфликта карачаевец Бадчиев убил молодого князя из ружья. Более того, с убитого сняли оружие, что по обычаям кабардинцев считалось

¹ Абадзехи – черкесский субэтнос, населявший северный склон Кавказского хребта, пространство между р. Схагуаше и р. Суп, отделявшей их от шапсугов.

бесчестьем. Сопровождавшие Адильгирея Атажукина не смогли этому воспрепятствовать, так как их было всего двое, причем один из них – старик без лошади и оружия. По свидетельству кабардинцев, карачаевцы знали убитого Атажукина в лицо, и им было известно, что они имеют дело с кабардинским князем [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 1 об.]. После убийства князя Адильгирея Атажукина карачаевские старшины сдали Бадчиева, в целях его безопасности, российской военной администрации – он был водворен под арест. В то же время, надеясь на поддержку российских властей, они не предприняли мер, ведущих к примирению и скорейшему урегулированию конфликта.

По российским законам, Атажукины должны были ждать решения местной администрации – начальника Центра Кавказской линии, в чьем ведении находились все судебные и административные дела кабардинцев и карачаевцев. Атажукины, из числа проживавших в Кабарде и в Закубанье, не дожидаясь такого решения со стороны властей, в течение короткого времени отогнали у карачаевцев около тысячи голов скота и пленили одного карачаевского крестьянина [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 1 об.].

В данном случае здесь имел место обычай барамтования¹. В традиционном обществе, при отсутствии государственного аппарата в виде полиции, органов дознания, тюрем, – расследование, раскрытие преступлений, наказание преступников и удовлетворение потерпевших осуществлялось с помощью общественных институтов. Барамта была одним из таких институтов, механизмом взыскания с виновной стороны материального ущерба при невозможности привлечения к третейскому суду ответчика. Объектом захвата являлось имущество соплеменников преступника. Насильственный захват имущества был призван подтолкнуть противную сторону к переговорам и взаимному удовлетворению сторон [Кожев 2001: 58]. Будучи прерогативой высших сословий кабардинского феодального общества, барамта как метод получения удовлетворения была достаточно эффективным и престижным институтом, так как преследовала не только цель возмещения понесенного ущерба, но и восстановление чести и престижа феодалов [Налоева 2015: 144].

Нападения кабардинцев вынудили карачаевцев выставить на Каменном мосту на Кубани охранный караул. Здесь при схватке с группой кабардинцев 16 января 1844 г. произошло убийство другого кабардинского князя – подпоручика Атажуко Атажукина [Бекулов, Бекулова 2019: 156]. Это еще более озлобило противостоящие стороны и грозило дальнейшей эскалацией конфликта. Обращает внимание, что обе враждующие стороны являлись российскими подданными, а некоторые из участников – российскими офицерами на военной службе. Их действия квалифицировались по российским

¹ Барамта – термин тюркского происхождения, означающий захват, временную конфискацию имущества должника или обидчика до удовлетворения за нанесенную обиду и компенсации за принесенный ущерб. Использовался российской администрацией. У черкесов был свой термин, обозначающий данный институт – «тхьэкьу».

законам как тяжкие уголовные преступления (вооруженный грабёж, захват пленных, убийства), влекущие суровое наказание.

Включение российской военной администрации в урегулировании конфликта

Получив от начальников Центра и Правого фланга Кавказской линии донесения об этих инцидентах, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории В.О. Гурко «предписал ... воспретить кабардинцам и карачаевцам делать набеги и производить разбои и вместе с тем поручил Генерал-Майору Султану Азамат Гирею, чтобы он вытребовав доверенных и почетных старшин с обеих сторон, приступил к разбору и решению дела по добровольному народному обычаю в отношении убийства Адиль Гирея Атажукина, убийство же князя Атажуки Атажукина, в коем виновного не открыто, Генерал-Лейтенант Гурко, считая как бы делом общим между фамилией Атажукиных с карачаевским народом, разрешил разобрать оное по адату, а убийцу Бадчиева, выданного самими карачаевцами, содержать под арестом впредь до решения дела» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 2 об.].

Со стороны российского командования выбор лица для урегулирования конфликта был не случаен. По обычаям и в соответствии с феодальной психологией кабардинских князей, сословный статус лица, взявшего на себя медиаторские функции в их деле, должен был быть равным их статусу или выше его. Кроме того, медиатор должен был представлять нейтральную сторону – не принадлежать ни к кабардинской, ни к карачаевской стороне [Правовые нормы... 1997: 164]. Пристав карачаевского народа Султан Азамат Гирей, выходец из фамилии Гиреев, по этим критериям подходил к роли медиатора. Потомки крымских ханов, живущие среди народов Северо-Западного Кавказа, по статусу считали себя выше черкесских князей, образуя отдельную сословную страту – султанов или, как их именовали черкесы, хануко. Хотя статус хануко был почетным, вся власть принадлежала черкесским князьям, которые относились к султанам не более как к знатым гостям.

Пользовавшийся авторитетом, как в среде карачаевцев, так и кабардинцев, генерал активно включился в переговорный процесс. Он провел ряд встреч почетных судей из доверенных лиц обоих народов: в станице Хумаринской в Карачае, в укреплении Нальчик в Кабарде. Генералу удалось согласовать условия примирения посредством суда посредников, после чего он взял подписку от кабардинцев и карачаевцев, что они будут довольны приговором судей [Бекулов, Бекулова 2019: 156].

Судьи из числа почетных, авторитетных людей, кандидатуры которых были одобрены обеими сторонами, рассматривали дело по адату. По окончании рассмотрения они, как свидетельствуют материалы дела, «приговорили дабы за убийство князя Адиль Гирея Атажукина, убийца его, представленный уже начальству для осуждения по русским законам, был предан со всем его

семейством родственникам убитого князя. Насчет же убийства Подпоручика князя Атажуки Атажукина с общего согласия кабардинцев, суд решил по адатам по народным обычаям следующее: как по убийству этому от князей Атажукиных не представлено таких примеров, по коим можно было бы определить удовлетворение за кровь убитого, то чтобы фамилия князей Атажукиных представила достоверные за присягою примеры подобных случаев хотя бы между другими племенами бывшие, из коих можно было усмотреть суду, сколько именно, в таких обстоятельствах виновные платили по примеру Адата за кровь убитого, и тогда карачаевцы будут согласны сделать такое удовлетворение кабардинцам, какое присуждено будет адатом, причислив в счет уплаты захваченный уже кабардинцами скот и взятого ими же одного карачаевского крестьянина в плен» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 2 об.]. Просьба карачаевцев включить в счет материальной компенсации при уплате «цены крови» захваченные кабардинцами тысячу голов скота соответствовала общепринятым правилам института барамты как одного из способов внесудебного или предваряющего судебное разбирательство метода разрешения крупных конфликтов. Основной целью барамты было стремление предотвратить эскалацию конфликта и добиться в ходе переговоров возмещения материального ущерба [Кожев 2001: 58]. Этот важный общественный институт был впервые обстоятельно изучен Е.Д. Налоевой на примере феодальной Кабарды первой половины XVIII в. От судебных разбирательств барамта отличалась тем, что её применяли только тогда, когда было необходимо общину, к которой принадлежал преступник, привлечь к ответу, принудив ее взять на себя ответственность за преступление своего члена и удовлетворение потерпевшей стороны. Делалось это в тех случаях, когда личность преступника была неизвестна или недоступна для потерпевшей стороны. В подобных случаях пострадавшая сторона захватывала имущество людей из числа родственников, односельчан или же соплеменников подозреваемого. При этом стремились арестовать несколько больше стоимости потери. Имущество, захваченное в качестве барамты, подсчитывалось при понятих и сохранялось в неприкосновенности до разрешения конфликта. Человек, у которого взята барамта, должен был выступить посредником между истцом и настоящим ответчиком. Иначе он лишался права на свое имущество. Причем считалось зазорным как выдать преступника из страха потерять свое добро, так и виновному в преступлении скрываться от пострадавшего по его вине, чье имущество было взято в залог. Преступник должен был либо возместить понесенный из-за его поступка ущерб непосредственно потерпевшему, либо удовлетворить через такого невольного посредника претензии истца [Налоева 2015: 145-146].

В случае с убийствами черкесских князей обычай «тхьэкью» имел ту особенность, что все захваченное у родственников или соплеменников убийцы до урегулирования конфликта и принятия решения третейским судом впоследствии в счет оплаты «цены крови» не засчитывалось [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 33 об.].

Кабардинская сторона из уважения к Султану Азамат Гирею пошла навстречу ответчикам, согласившись, что если карачаевская сторона выполнит решение суда при определении «цены крови» убитого князя Атажуко Атажукина, захваченное кабардинцами имущество карачаевцев будет зачислено в счет оплаты материальной компенсации. Семья же Бадчиева, по решению судей, опиравшемуся на адат, должна была быть передана ближайшим родственникам убитого Адильгирея Атажукина. Если же сам Бадчиев не будет выдан российской администрацией Атажукиным, то он должен быть судим по российским законам.

Проблема возмещения «цены крови»

После оглашения приговора народных судей карачаевская сторона обратилась к Султану Азамат Гирею с просьбой, чтобы убийцу князя Адильгирея Атажукина не предавали суду по российским законам, и в то же время ни он сам, ни семья его не были выданы родственникам Атажукина, а были бы оставлены на месте жительства. Взамен карачаевцы обязались удовлетворить родственников Адильгирея Атажукина выплатой материальной компенсации, такой же по размеру, которая по адату будет присуждена за убийство подпоручика князя Атажуки Атажукина. На что представители фамилии Атажукиных дали свое согласие [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 3].

Данный факт также отражает особенности обычно-правового сознания и сословного мировоззрения представителей феодальной знати народов Северного Кавказа. Карачаевские бии¹, как и кабардинские князья считались покровителями своего народа. Функции патронажа и покровительства в отношении подвластного народа обязывали владельцев представлять интересы своих подданных, защищать, а часто и брать на себя материальную ответственность за их преступления. Последнее происходило тогда, когда уголовные дела и связанные с ними выплаты материальных компенсаций касались других обществ. Это было вопросом престижа феодалов в глазах своих подданных. Часто они предпочитали взять на себя большие расходы по компенсации за уголовные преступления представителей зависимых от них сословий, но не допустить их выдачи для расправы или обращения в рабство в другое общество. Был случай, когда кабардинский князь заплатил огромную сумму за убийство дагестанского владельца своим крестьянином, но не допустил выдачи его родственникам убитого.

В черкесских «демократических» обществах (шапсуги, абадзехи, натухайцы), где отсутствовало сословие князей, а сословие дворян в политических правах было уравнено со свободным крестьянством, коллективную ответственность за преступления своих членов, функции

¹ Бии – высшее сословие в феодальной сословной иерархии карачаевского общества, по статусу приравненное Терско-Кубанской сословной комиссией к сословию кабардинских первостепенных дворян – тлекотлеш.

покровительства и патронажа несли так называемые «соприсяжные братства»¹. Высокая «цена крови» часто делала невозможной ее выплату силами самого преступника и его семьи, поэтому в уплате материальной компенсации участвовало все братство. Если по вине одного и того же человека братство ввергалось несколько раз в расходы по выплате компенсаций за тяжелые преступления, то такого «неисправимого» сородича в любом случае не выдавали для расправы в руки представителей другой общины или клана. Такого человека или изгоняли из общества, или казнили его же соплеменники.

Так как обычное право кабардинцев не знало платы за кровь убитого князя, Атажукиным было предложено найти подобный прецедент у других черкесских обществ, имевших сословие князей. Такой прецедент был найден. У бесленеевского² князя Адильгирея Шолохова был убит баракаевцами³ двоюродный брат и им была получена с них материальная компенсация в сто штук.

Термин «штука», или по-черкесски «сха» (голова) – технический термин, имевший отношение к системе композиций, практиковавшейся у черкесов. Так как в XVIII – первой половине XIX в. у черкесов и других народов Северного Кавказа не существовало собственной денежной системы, различного рода компенсации и штрафы за преступления и проступки взимались в натуральном виде, т.е. оружием, лошадьми, скотом, одеждой, крепостными крестьянами и рабами [Гарданов 1967: 228]. В уголовных делах система композиций устанавливала строго регламентированную шкалу возмещений в зависимости от сословной принадлежности истцов [Гарданов 1967: 227]. Так, по сообщению Г.В. Новицкого, у черкесов «князья, дворяне, подвластные и крестьяне имеют каждые оклады, утвержденные обществом с давнего времени, и по окладам сим взыскивают с убийцы. За убийство князя взыскивается 100 баш⁴... За дворянина 1-го класса взыскивается 50 башей, за дворян двух прочих классов по 30, а за подвластного 25 баш» [Новицкий 1829].

Сха была условной платежной единицей, имевшей свои градации в соответствии с сословной принадлежностью потерпевшей стороны. В сборнике адатов кавказских горцев, изданном Ф.И. Леонтовичем, сообщается, что головы подразделялись на «мокрые» и «сухие». К первой группе относилось все живое (люди, скот), ко второй – вещи и оружие. Группы в свою очередь делились на первостепенные, средние и низшие рода. Каждый род имел градацию: лучшие, худшие и худые [Леонтович 1882: 146].

¹ «Соприисяжные братства» – организации, созданные на основе принципов искусственного родства, с помощью которых свободные общинники-крестьяне в трех провинциях Черкесии – Шапсугии, Абадзехии и Натухае – свергли политическую власть местных феодальных элит.

² Бесленеевцы – черкесский субэтнос, занимавший территорию по верхнему течению правого берега реки Лабы и её притоку Ходзю, на востоке и северо-востоке по реке Уруп и её притокам Большому и Малому Тегеням.

³ Баракаевцы – абазинское общество, проживавшее в вершинах р. Губса на Северо-Западном Кавказе.

⁴ Г.В. Новицкий употребляет тюркский термин «баш», соответствующий черкесскому «сха».

Л.Я. Люлье отмечал, что «сха, как мера уголовной пени, бывает двух родов: 1) вуорккесха – по кровомщению привилегированного класса и 2) сха простая – по кровомщению за простолюдина. Стоимость первого рода больше второго. Ценности сха нельзя определить точным образом. Хорошая кольчуга, шлем, налокотники, большой котел из меди и т.п. вещи стоят не больше 60 ...быков, но не менее 60 баранов, что составляет вообще одну сха. Но по сану лица, за которого платится пеня, размеры этой стоимости... бывают различны: в уплате за князя (пши) сха исчисляется 60-80 ...быков, за дворянина (уорк) считается еще меньше, смотря по сановитости рода, и доходит, наконец, до 8 ...быков в уплате за простолюдина (тфокотль)» [Люлье 2004: 92].

Если перевести исчисление стоимости «цены крови» со сха, условной платежной единицы неопределенной фактической ценности, на цю (быков), другую платежную единицу, применявшуюся черкесами и выражавшуюся в стоимости одного быка, то со всей наглядностью выступает огромная разница в «цене крови» черкесов различного социального статуса. Так, например, если перевести «цену крови» черкесского князя со сха на цю, то окажется, что в XVIII – первой половине XIX в. она колебалась от 6 до 8 тыс. быков (считая 100 сха, каждая стоимостью в 60-80 цю), тогда как «цена крови» простого свободного черкеса из сословия тфокотлей не превышала 240 быков (30 сха, каждая стоимостью 8 цю). Таким образом, «цена крови» черкесского князя превышала материальную компенсацию за жизнь простого свободного черкеса в 30 раз [Гарданов 1967: 232-233].

Предметы, предлагаемые в счет уплаты, оценивались независимыми посредниками-оценщиками и, если отдельная вещь была выдающаяся по своим качествам, например, сабля, кольчуга или кинжал, то она могла быть приравнена по ценности к одной или нескольким сха [Люлье 2004: 92].

Согласно договоренности об уплате компенсации за убийство двух кабардинских князей Атажукиных по сто штук за каждого по примеру удовлетворения баракаевцами бесленеевского князя Адильгирея Шолохова, последний был вызван со свидетелями к Каменному мосту на Кубани. Здесь, в присутствии тяжущихся сторон, князь Шолохов объявил, что он получил с баракаевцев за кровь убитого ими двоюродного брата удовлетворение в размере ста штук, а именно 50 крепостных женщин, 4 панциря равных стоимости 6 рабов, 6 сабель равных стоимости 6 рабов, 4 шишака (шлема) равных стоимости 4 рабов, 2 ружья равных стоимости 2 рабов, 25 лошадей, 4 парадных седла, лук со стрелами, пару налокотников равных стоимости 2 рабов, комплект одежды из черкески, бешмета и рубахи, всю семью убийцы, включая его самого, со всем домашним имуществом, оцененную в одну сха. Сверх этого баракаевцы должны были взять на воспитание одного из фамилии убитого бесленеевского князя и по возвращении домой одарить лошадей, быками и разными предметами количеством 50 штук [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 32-33].

Когда Адильгирей Шолохов захотел подтвердить все вышеуказанные условия присягой, карачаевские депутаты не допустили его к этому. Как свидетельствуют материалы архивного дела, «...карачаевцы сочли для себя эту

плату весьма великою и не изъявили согласия на уплату Атажукиным такого же точно количества, какое указывает князь Адиль Гирей Шолохов, почему и не допустили его принять присягу, и по сей причине, не решив окончательно этого дела, разошлись опять по своим домам» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 4].

Сумма в 200 штук за кровь двух убитых князей Атажукиных оказалась для карачаевского общества непомерно великой. По нашим подсчетам, основанным на средней цене, существовавшей в это время на крепостных и ясырей (рабов), минимальный денежный эквивалент 200 штук равнялся 30 тысячам российских рублей серебром.

Переход под российскую юрисдикцию и распространение российской денежной системы у народов Северного Кавказа со временем привели к появлению новаций в традиционной системе композиций. Во-первых, штрафы, исчисляемые в «головах», получили свои денежные эквиваленты в российских рублях. Во-вторых, они стали выплачиваться не вещами, оружием, скотом, рабами, как раньше, а деньгами. В-третьих, фактическая цена сха в денежном эквиваленте стала в десятки раз меньше по сравнению с прошлыми временами. Это произошло в результате утраты черкесскими князьями политической власти и феодальных привилегий, фактического понижения их социального статуса в условиях установления в регионе российского административно-правового контроля. В поздних сборниках адатов народов Северного Кавказа, использовавшихся российской администрацией в 50-х гг. XIX в. для решения уголовных дел, штраф за убийство черкесского князя был установлен в размере 3 тыс. руб. серебром [Правовые нормы... 1997: 190]. Данная сумма в 5 раз меньше установленной нами минимальной суммы (15 тыс. руб.), полученной по черкесским адатам за убийство бесленеевского князя.

Несмотря на то, что такие предметы, как панцири, сабли, налокотники, шлемы к середине XIX в. вышли из военного обихода, утратив свою практическую ценность, они оставались престижными и очень дорогими. Из соображений престижа князья Атажукины требовали решения дела по адату, с выплатой предусмотренных в таких случаях вещей, и отказывались от денежной компенсации. Тем не менее, в 40-50-х гг. XIX в. традиция выплаты пеней престижными в феодальном обществе материальными ценностями в виде дорогостоящего оружия стала уходить в прошлое и заменяться денежными штрафами.

Институт кровной мести: устойчивость ценностных представлений и кризис функционирования

Когда посредническая миссия Султана Азамат Гирея зашла в тупик, а карачаевская сторона отказалась удовлетворить Атажукиных по адату, начался новый виток эскалации конфликта. В 1847 г. от начальника Правого фланга Кавказской линии П.П. Ковалевского на имя командующего войсками Кавказской линии Н.С. Завадовского поступило сообщение «что сын князя Мисоста Атажукина, Мисост, в прошедшем ноябре месяце с 26 товарищами в

отмщение за кровь убитых князей Атажукиных ограбил карачаевский баран кош, состоящий между Кубанью и Тебердою близ аула Джембулата Атажукина угнав до 60 штук рогатого скота, 200 овец и 4-х карачаевцев взял в плен. В бывшей в то время между ними перестрелке убит один карачаевец и один кабардинец. При сем Генерал-Майор Кавалевский присовокупил, что при жизни князя Джембулата Атажукина, к удержанию кабардинцев от кровомщения предстояло более возможности: тогда нужно было согласить одного только его, как старшего из фамилии обиженных, по смерти же Джембулата Атажукина¹, дело крови некоторым образом сделалось общим – всякий по произволу принимает в нем участие и настоящий поступок служит тому доказательством: что хотя принятые есть меры, чтобы убедить кабардинцев к возвращению взятых карачаевцев и угнанного скота, то можно быть уверенным, что кабардинцы не исполнят этого; нельзя также поручиться, чтобы карачаевцы в свою очередь за эту обиду при первом случае не отомстили бы кабардинцам. Таким образом в настоящее время вражда между кабардинцами и карачаевцами снова возгорелась и последствия ее могут быть весьма пагубны, особенно для карачаевцев, что бы удержать месть с обеих сторон, необходимо содействовать им к скорейшему решению дела их по народным обычаям» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 4 об.].

Ситуация осложнялась тем, что участниками конфликта, помимо Атажукиных, являвшихся российскими подданными, были их родственники из числа так называемых «беглых кабардинцев»², являвшихся непримиримыми врагами российской власти и ведущих с ней вооруженную борьбу. Директивы Воронцова не могли на них повлиять, так как они, проживая среди непокорных горцев Северо-Западного Кавказа, находились вне зоны досягаемости российской юрисдикции и государственных органов. Атажукины из их числа, хотя и не разделяли политической ориентации своих однофамильцев, находившихся на российской государственной военной службе, тем не менее, считали себя также обремененными обязанностью отомстить за родственника. К примеру, живший среди абадзехов Магомед Атажукин в 1844 г. взял в плен двух карачаевцев и убил третьего [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 28-28 об.]. Нам не удалось идентифицировать князя Магомета Атажукина, так как среди немирных князей Атажукиных известны как минимум три князя с этим именем. Самый известный из них, Магомед-Аш Атажукин, погиб во время рейда возглавляемого им отряда в окрестностях Ставрополя в 1846 г.

Бывший представителем интересов Атажукиных в этом деле и находящийся на российской военной службе ротмистр Атажуко Атажукин не мог открыто не подчиниться требованиям своего вышестоящего военного начальства. 31 марта 1852 г. он пишет записку на имя главнокомандующего

¹ После смерти в 1846 г. старшего в роду Джембулата Атажукина миссия представителя интересов фамилии Атажукиных в данном деле перешла к проживавшему в Кабарде и находящемуся на военной службе прапорщику Атажуко Касаевичу Атажукину.

² Наряду с названием «беглые кабардинцы» в русских документах использовался термин «абреки». Часть кабардинского народа, которая выбрала свободу и путь вооруженной борьбы против колониальной экспансии, получила среди черкесов название «хажретов».

Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцова, в которой излагает свою позицию. Этот документ проясняет некоторые особенности обычного права, правового сознания и сословных представлений черкесской аристократии, связанных с институтом кровной мести.

Надо отметить, что представления эти не являются специфическими только для черкесской аристократии, они характерны для всех традиционных обществ. Исследователь института кровной мести Р. Вердье выделил несколько ключевых моментов в функционировании этого института.

Во-первых, месть не есть проявление агрессивности отдельного человека и желания пролить кровь обидчика. Месть, как и закон экзогамии, призвана сохранить существование отдельных социальных коллективов и основывается на законе обмена. Месть перестает быть желанием, которое подавляет и обуздывает закон, и становится нормой, которую закрепило общество. Как оскорбитель, так и оскорбленный могут прибегать к мести только в том случае, если они принадлежат к разным социальным формированиям. Нанесенное оскорбление ставит группы в положение возврата соответствующего долга, долг обиды есть долг жизни. Месть меньше направлена против того, чтобы разрушить жизнь, а больше на то, чтобы заставить уважать ее, она является ответом на акт, который поставил под угрозу само существование группы обиженного. Она имеет такое же важное значение для воспроизводства кровнородственной группы, как и брачный обмен. Свидетельством этого являются понятия, которыми она оперирует и которые часто неразрывны, – это кровь и честь. Говорят, что честь замешана на крови [Рулан 1999: 173-174]. Пренебрежение человеком долгом кровной мести в традиционном обществе могло привести к обструкции или изгнанию из коллектива такового. Эта обязанность, которая лежит на каждом члене коллектива независимо от его личного желания или отношения к представителям группы обидчика. В традиционном обществе объектом кровной мести может быть как сам непосредственный обидчик, так и любой представитель его группы.

На Северном Кавказе кровная месть как обычай, направленный на сохранение социальных групп, а не на их уничтожение, никогда не перерастала во всеобщую войну между народами. Это была контролируемая месть, регулируемая другими общественными институтами. Суд посредников и система композиций позволяли остановить кровную месть, сохранив жизнь ответчика и в то же время удовлетворить честь потерпевшей стороны. Материальная сторона вопроса при этом не стояла на первом месте. Система композиций широко практиковалась у всех народов Северного Кавказа и ей, обычно, отдавалось предпочтение перед кровной мезтью. Но в конфликтах, связанных с убийствами кабардинских князей, их урегулирование осложнялось тем, что в силу их особого социального статуса отсутствовала сама система композиций, предусмотренная во всех других случаях. По этой причине убийства и кровная месть, имевшие место между кабардинскими князьями, требовали обязательного отмщения крови убитого. В княжеские междоусобия, возникающие на этой почве, вовлекались их вассалы и подданные, часто жертвовавшие своими жизнями и имуществом за поддержание чести своих

сюзеренов. Был только один способ остановить кровную месть в случае убийства одним князем другого – убийца должен был взять на воспитание сына убитого. Вступив в отношения искусственного родства по обычаю аталычества воспитатель (быфадэ) и его воспитанник (пIур) становились родственниками, и потому кровная месть не могла иметь место между ними.

Кровная месть, возникавшая между кабардинскими князьями, зачастую приводила к политической дестабилизации страны.

В этом отношении примечательна многолетняя история кровной вражды Баксанской и Кашкатавской партий – двух княжеских коалиций Большой Кабарды. В нее были втянуты все княжеские фамилии – Кайтукиных, Бекмурзиных, Атажукиных и Мисостовых. Началом ее послужило убийство в 1721 г. подвластными Бамата Кургокина (род Атажукиных) младшего брата Асланбека Кайтукина Канамата. Убийство Канамата, разделившее Большую Кабарду на две части, ввергло ее в многолетнюю междоусобицу. Официально вину за это убийство взял на себя Касай Атажукин¹ (род Мисостовых) с тем, чтобы скрепить коалицию Атажукиных и Мисостовых (Баксанская партия) против Кайтукиных и Бекмурзиных (Кашкатавская партия). В 1747 г. лидер клана Атажукиных Бамат Кургокин решил примириться с Кайтукиными и Бекмурзиными, так как этого требовала сложившаяся политическая ситуация. Но между ними была неотмщенная кровь Канамата. Атажукины, Кайтукины и Бекмурзины «назначили» виновными Мисостовых, хотя все знали, что к убийству причастен Бамат Кургокин. В 1751 г. премьер-майор Иван Барковский, выяснив предысторию вражды между Баксанской и Кашкатавской партиями, сообщал в Кизляр, что «во время прежней междоусобной ссоры убит от Бамата Кургокина и его узденями и холопами владелец Канамат Кайтукин... и как Кайтукины и Бекмурзины стали искать, кто брата их убил, то Касай присягой то убивство принял на себя, а с Баматом имели присягу, что то убивство общее их и для того б им обще всем быть и друг друга не оставлять, и с теми бы двумя фамилиями, Кайтукиными и Бекмурзиными не сообщаться. Но Бамат де Кургокин, наруша ту присягу, с означенными фамилиями сообщался и ево Касая с братьями из Кабарды выгнали и вновь им дал присягу, якобы подлинно владелец Канамат убит Касаем и ево узденями и холопьями, потому де Кайтукины и Бекмурзины обще с ним, Баматом, тех узденей и холопей порубили, пожитки, скот и от других узденей все без остатку разграбили» [Кажаров 1994: 410]. Лидер Мисостовых Касай Атажукин был изгнан из Кабарды в 1747 г. Но уже в 1749 г. его возвращают в Кабарду, забыв о крови Канамата, и изгоняют теперь Бекмурзиных. В 1751 г. междоусобицы возобновились с новой силой. Причем действия Кайтукиных против Бамата Кургокина прикрывались опять-таки поиском «крови Канамата». Хотя Касай Атажукин оставался верен присяге, данной 30 лет назад Бамату Кургокину,

¹ В русских письменных источниках было принято записывать фамилии князей по их отчествам. Так как отец Касая был Атажуко, он записан как Касай Атажукин, хотя принадлежит фамилии Мисостовых.

взяв тогда на себя кровь Канамата Кайтукина, Бекмурзины, Кайтукины и часть Мисостовых стали обвинять Бамата Кургокина в убийстве Канамата.

Спустя 32 года, в октябре 1753 г., на собрании князей всех четырех уделов было объявлено, что «Канаматову кровь обеим партиям ни по каким возбуждениям и не на ком не отыскивать и оставить оную уже втуне, яко сущею мертвою» [Кажаров 1994: 415].

Так завершилась история с убийством князя Канамата Кайтукина оставшись в памяти народа в виде поговорки «Къэнэмэт и лЫукЫым хэхуаш» (В дело с убийством Канамата попал). Ее вспоминают в тех случаях, когда хотят подчеркнуть, что человек попал в сложную, конфликтную ситуацию [Адыгэ псалъэжхэр... 1967: 22].

В отличие от вышеприведенного примера, история с убийством князя Адильгирея Атажукина и связанные с этим события разворачивались в другой исторической эпохе и обстановке. К середине XIX в. Кабарда стала частью Российской империи, и бывшее влияние кабардинских князей, как на соседние народы, так и в самом кабардинском обществе было утрачено. Особые социальные привилегии кабардинских князей, неприкосновенность их личности для представителей других сословий, носившие раньше абсолютный, безусловный характер, постепенно стали нивелироваться. Тем не менее, традиционные ценностные ориентации, чрезмерная щепетильность в вопросах личной, фамильной и сословной чести, обостренное чувство собственного достоинства продолжали доминировать в сознании кабардинской аристократии, представителем которой являлся Атажуко Атажукин. Эти мотивы и ценности нашли отражение в записке, с которой он обратился к своему военному начальству: «Это убийство есть не только преступление уголовное, но мы Атажукины, не можем иначе считать его как посрамлением нанесенным всему кабардинскому народу от карачаевцев, платившим нам постоянно дань, до поступления под высокое покровительство и верноподанство Великого Монарха России и бывших в совершенной от нас зависимости. По понятиям и древним обычаям нашим мщение за кровь убитого князя должно было быть неизменно... Решением этого дела, снимется наконец позорное клеймо, по понятиям соотечественников моих, лежащее на мне, как на ближайшем родственнике убитых; и если я прошу разбирательства, то это не есть корыстолюбивое желание к стяжанию богатства, так как обыкновенно в таких несчастных случаях присуждается денежное удовлетворение. Единственное желание мое кончить вражду, так долго продолжающуюся между двумя соседственными племенами, прежде бывших между собою связанными родственными узами, но после этого убийства сделавшихся злейшими врагами» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 30-31 об.].

Но процессы нивелирования статуса и влияния князей в кабардинском обществе и одновременного упадка и изживания институтов кровной мести, системы композиций, вытеснения адата нормами государственного российского права принимали все более широкий и необратимый характер.

В этом отношении показательны три уголовных дела, наглядно демонстрирующих степень девальвации ценности кровной мести в

общественном сознании кабардинцев как способа поддержания фамильной чести. Все они связаны с убийствами князей из рода Мисостовых, произошедшими в Кабарде во второй половине XIX в. Одной из причин упадка авторитета отдельных представителей этой фамилии в кабардинском обществе стал их переход из ислама в христианство.

В 1857 г. крещенный кабардинский князь Михаил Алексеевич Мисостов был убит близ укрепления Нальчик. Старший брат убитого Александр Алексеевич Мисостов до самой своей смерти в 1866 г. тщетно добивался наказания убийцы через официальные органы власти. Члены Кабардинского временного суда князя Докшуко Касаев, Алхас Мисостов, Магомет Жамботов, хотя и являлись родственниками убитого, заняли позицию выгораживания предполагаемого убийцы – узденя Жамбота Очеритлова, старшины аула Тогланова. Представители духовенства, считавшие убийство вероотступника «богоугодным» делом, препятствовали ходу следствия, оказывая давление на свидетелей. В условиях конфронтации с кабардинскими князьями и обструкции со стороны духовенства Александр Мисостов уже не настаивал на привлечении подозреваемых к суду в рамках российских законов. Теперь он стал просить удовлетворения за кровь брата по нормам адата. 31 мая 1858 г. Мисостов пишет начальнику штаба войск Левого крыла Кавказской линии Зотову: «Истинное желание мое состоит в прекращении следственного дела, не предавая убийц суду... приказать произвести мне удовлетворение за кровь брата моего 3000 рублей серебром, как карачаевцы за двух князей Атажукиных, равному мне по роду происхождения, уплатили, т.е. подполковнику кн. Атажукину в недавнее время» [УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Т. 4. Л. 14 об.]. Но, как следует из архивных материалов, по адату дело не было рассмотрено. Более десяти лет князь рассылал свои прошения во все инстанции: от Кабардинского временного суда до Его Императорского Величества [Бекулов, Бекулова 2019: 155]. Следствие по данному делу тянулось 11 лет и, было закрыто начальником Терской области М.Т. Лорис-Меликовым 14 апреля 1869 г., через три года после смерти истца. Он распорядился оставить дело «без последствий, за поведением же кабардинца Жамбота Очеритлова, привлеченного к делу по подозрению в убийстве, учредить строгий полицейский надзор» [УЦГА АС КБР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 76].

Второй случай связан с убийством, произошедшим в ауле Мисостово в середине 1858 г. Князь Алхас Мисостов был задушен, а его тело вывезено в пойму р. Урвань. Родственники князя знали, кто лишил его жизни. Однако они понимали, что убийца не смог бы компенсировать плату за кровь в размере 100 штук, или 3 тыс. руб. в денежном эквиваленте. С другой стороны, малочисленный род Мисостовых, не в состоянии был ответить за кровь. Чтобы избежать негативного общественного мнения о неспособности Мисостовых защитить свою честь и достоинство, с подачи вдовы убитого была озвучена версия об утоплении Алхаса Мисостова на реке Урвань [Бекулов 2008: 78-79].

О кризисе института кровной мести и связанных с ним традиционных представлений свидетельствует также архивное дело «О разрешении князю Бекмурзе Докшукину разобраться за убийство им князя Хатажуки Наурузова

шариатом или адатом» (1847-1849 гг.). В деле отмечается, что князя Мисостовой фамилии (к которой принадлежал убитый) «не согласны разобратся с князем Бекмурзой Докшукиным [фамилия Кайтукиных. – А.М.] по шариату и древнему обычаю, а просят сделать определение виновному по русским законам» [Материалы по обычному... 1956: 271]. То есть если раньше кабардинцы стремились судиться по адату, то теперь они стали отдавать предпочтение российским законам [Кажаров 1994: 424].

Политические мотивы в подходах российской военной администрации

Генерал-адъютант Н.С. Завадовский поручил Султану Азамат Гирею возобновить посреднические усилия, вызвав представителей конфликтующих сторон для достижения примирения. Начальники Центра и Правого фланга Кавказской линии должны были со своей стороны оказать ему в этом свое содействие. Так как предыдущие переговоры зашли в тупик из-за того, что карачаевцы отказались от уплаты компенсации по адату, эти начальники должны были убедить кабардинцев уменьшить сумму выкупа, а карачаевцев – согласиться ее выплатить.

Для скорейшего урегулирования конфликта Н.С. Завадовский готов был пойти еще дальше и предложил помочь карачаевцам в деле уплаты «цены крови» кабардинских князей за счет государственных средств. Такое нестандартное решение он обосновал мотивами политической целесообразности. В апреле 1846 г. 20-тысячное войско Шамиля вторглось в Кабарду с целью взять под контроль ее территорию и выйти на соединение с силами своего наиба на Северо-Западном Кавказе Магомет-Амина. Ключевую стратегическую роль в этом плане играла территория Карачая, через которую Магомет-Амин должен был прийти на помощь Шамилю. Карачаевское общество с помощью российских военных сил не пропустило силы Магомет-Амина через свою территорию, расстроив тем самым стратегические планы Шамиля. Российское правительство считало полезным поощрить сохранение карачаевским обществом лояльности и верности присяге, данной ими в 1828 г. Делегация карачаевских депутатов была принята в С.-Петербурге. По возвращении из столицы они предоставили начальнику Центра Кавказской линии Хлюпину просьбу об освобождении Мусаби Бадчиева из-под ареста и выдаче на поруки карачаевскому обществу.

Н.С. Завадовский запросил мнение на этот счет бывшего начальника Центра Кавказской линии генерал-майора В.С. Голицына и действующего – полковника С.И. Хлюпина. В.С. Голицын выразил положительное мнение на просьбу карачаевской стороны, считая что «человек этот совершил убийство над покушавшимся завладеть стадом его, следовательно стрелял не в князя, а в разбойника, а потому, не находя его вполне виновным, признавал весьма достаточным вменить ему в наказание долговременное содержание под караулом» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 3 об.]. Позиция В.С. Голицына становится понятной, если учесть, что он был смещен с поста начальника Центра Кавказской линии «благодаря» представителям

кабардинской аристократии. Готовящееся вторжение Шамиля в Кабарду стало для Голицына полной неожиданностью. Как впоследствии выяснилось, в его подготовке участвовали многие кабардинские князья и дворяне. За беспечное поведение, позволившее кабардинцам подготовиться к появлению Шамиля и содействовать ему, начальник Центра Кавказской линии генерал Голицын был отстранен от должности. В этом плане примечательна история подпоручика российской армии, члена Кабардинского временного суда Магомет-Мирзы Анзорова. Представитель знатного кабардинского аристократического рода Магомет-Мирза был другом семьи В.С. Голицына и располагал полным его доверием. В 1844 г. М.-М. Анзоров по рекомендации В.С. Голицына входил в состав кабардинской делегации, «удостоенной высочайшим вниманием» императора Николая I в С.-Петербурге. Особое доверие со стороны начальника Центра Кавказской линии способствовало скрытому участию Магомет-Мирзы Анзорова в подготовке похода Шамиля в Кабарду весной 1846 г. В день вступления отряда имама в Кабарду Магомет-Мирза с видом абсолютного спокойствия играл в карты с В.С. Голицыным и другими офицерами, но в тот же вечер, оставив своих сослуживцев, примкнул к армии Шамиля [Бейтуганов 1998: 107-108].

Полковник С.И. Хлюпин также высказал мнение, что необходимо удовлетворить просьбу карачаевских депутатов об освобождении Бадчиева с тем, «чтобы усилить доверие к нам карачаевцев и показать к ним наше уважение к их преданности...» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 5].

Учитывая все вышеизложенные политические мотивы, высшее начальство приняло решение «в уважение особой непоколебимой верности нашему Правительству карачаевцев, оказанной ими при последнем вторжении в Кабарду Шамиля чтобы скорее положить конец этому делу от коего с каждым днем можно ожидать новых с обеих сторон грабежей и убийства жертвою которых могут быть вовсе невинные, пособить им в уплате за кровь Атажукиных, выдачею для того что-нибудь из экстраординарных вещей¹» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 6].

Процедурный и институциональный компромисс как форма урегулирования конфликта

Дело затягивалось еще и в связи с тем, что Атажуко Атажукин в 1849 г. отбыл для прохождения службы сначала в Варшаву, а оттуда в С.-Петербург [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 16]. На Кавказ он вернулся только спустя три года [Казаков 2017: 88]. В силу личного авторитета Атажуко Атажукина, как считала сама кавказская администрация, только его участие могло быть гарантией выполнения договоренностей со стороны представителей многочисленной фамилии Атажукиных.

¹ Экстраординарные вещи – имеются в виду военные трофеи в виде ценных вещей, попадавшие в распоряжение российского военного командования в ходе боевых действий против непокорных горцев.

К 1851 г., спустя семь лет после начала конфликта, дело оставалось открытым. Так как командующий Центром Кавказской линии князь Г.Р. Эрстов считал решение этого дела по адату невозможным, было предложено Атажукиным разобрать это дело медиаторским судом в Кабардинском временном суде. Как сообщается в рапорте Командующего войсками Н.С. Завадовского на имя главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом князя М.С. Воронцова «по вызову кабардинским судом, князей Атажукиных, они не изъявили желанья разобрать медиаторским судом с Карачаевцами за убийство родственников их, но требуют разбирательства по адатам...» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 27-27 об.].

После этого последовало распоряжение директивного характера главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом князя М.С. Воронцова от 10 января 1852 г.: «Дабы положить конец взаимным враждебным действиям между Закубанскими кабардинцами и карачаевцами за убийство в 1843 году родственников князей Атажукиных... продолжающееся столь долгое время... приказать враждующим сторонам кончить медиаторским из своего сословия судом определив для непременною окончания онаго в срок тоже явно не отдаленный по вашему усмотрению. При чем объявить враждующим сторонам что будут уклоняться от выборов медиаторов или не явятся в назначенное место или же не согласятся исполнить решение медиаторов и таким образом по истечении не будет окончено это дело и после того вновь произойдут убийства или грабежи, то виновные будут разбираться уже не по обычаям горцев, но предаваемы будут военному суду как преступники по уголовным русским законам. О сем объявить враждующим сторонам и в известности такого решения взять расписки по крайней мере от главных лиц обеих сторон» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 28-28 об.]. Крайним сроком для завершения дела медиаторским судом было обозначено шесть месяцев.

При всем старании начальника Центра Кавказской линии Атажукины, не соглашались на решение дела медиаторским судом в Кабардинском временном суде, а настаивали на суде по адату. Здесь возникает вопрос: чем они различались. Медиаторский суд по определению это суд посредников. В этом плане он не отличается от суда по адату. Но дело в том, что Кабардинский временный суд, хотя и мог использовать в своей работе элементы традиционного обычного права, был органом российской государственной судебной системы, а не традиционным независимым судом. Работавшие там, в качестве судей, представители местной аристократии, находились на государственной военной службе, получали казенное жалованье и подчинялись вышестоящему военному российскому начальству. В силу этих обстоятельств они не могли считаться самостоятельными в принятии решений. Зачастую, если вынесение вердикта в соответствии с нормами адата было невозможно, они создавали прецеденты, предлагая взамен альтернативные решения и склоняя к их принятию стороны конфликта.

Согласно обычному праву народов Северного Кавказа в конфликтах с участием представителей разных общин и этносов судьи должны были быть со

стороны и такого же сословного статуса. На этом настаивает в своей записке Атажуко Атажукин: «Я осмеливаюсь почтительнейше просить ваше Сиятельство решить дело это князьям и старшинам других племен, совершенно чуждым и непричастным к нему, под наблюдением кого либо из Русских офицеров, знающих взаимные права и обычаи горцев, устранить от решения сего, как карачаевцев так и кабардинцев» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 30 об.].

Кабардинский временный суд так и не смог приступить к рассмотрению этого дела. Оно решилось в результате личной встречи высокопоставленных российских военных начальников – главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом князя Воронцова, командующего войсками Кавказской линии Завадовского и начальника Центра Кавказской линии Грамотина со своим подчиненным – майором, состоящим при Отдельном кавказском корпусе, Атажуко Атажукиным: «в бытность в Кисловодске в 1852 году... склонили Майора Князя Атажукина уменьшить это взыскание до 6 тыс. руб. серебром и предоставили ему пользоваться этими деньгами» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 43 об.].

В рапорте на имя начальника Главного штаба кавказских войск князя А.И. Барятинского сообщалось: «... о положении дела по вражде кабардинцев с карачаевцами за убийство последними в 1843 г. Князей Атажукиных, – имею честь донести Вашему Превосходительству, что кабардинский князь Атажука Атажукин в присутствии Главнокомандующего, Командующего войсками и Начальника Центра, в прошедшем году полюбовно примирился с карачаевцами, с условием, что последние заплатят за кровь убитых Атажукиных 6 т. руб. серебром и что Его Высокопревосходительство Николай Степанович [Н.С. Завадовский. – А.М.] желая, чтобы мировая эта осуществилась на самом деле поручил Генерал-Майору Грамотину принять участие к окончанию дела по сему предмету добровольно и без всяких последствий, на что получен ныне ответ от 11 апреля за № 518, что взыскание с карачаевцев за кровь убитых князей Атажукиных благодаря деятельности пристава Есаула Тургиева еще в начале Генваря месяца кончено и сумма храниться в Центральном ящике...» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 39-39 об.].

В 1853 году в течение нескольких месяцев карачаевцы собрали деньги, но прошло еще пять лет, пока дело было окончательно закрыто [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 62 об.].

Администрация не спешила выдавать собранные деньги представителям рода Атажукиных, так как перед начальником Центра Кавказской линии Грамотиным возник ряд вопросов. Если выдать всю сумму Атажуке Атажукину, не будут ли это решение оспаривать остальные представители фамилии. Также карачаевцы, справедливо опасаясь, что проживавшие среди абадзехов князя Атажукины, не оставят своих претензий к ним и, чтобы оградить себя от их неприязненных действий, просили «часть денег из числа 6 тысяч руб. серебром уделить и тем Атажукиным, которые живут в непокорных ... племенах за Кубанью» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 39 об.].

Изучение этого вопроса, бюрократическая переписка, согласование решений с вышестоящим начальством заняли больше года. Желание карачаевцев передать часть суммы за Кубань князьям Атажукиным, находившимся в состоянии войны с Российской империей и считавшимся по российским законам преступниками, вызывало вопросы юридического характера. Чтобы обойти этот юридический нонсенс, начальником Центра Кавказской линии Грамотиным было предложено «...взысканные с карачаевцев 6 тыс. руб. серебром за кровь убитых ими Князей Атажукиных ... разделить следующим образом: две части отдать Майору Атажуке Атажукину, а третью часть отдать Князьям Атажукиным находящимся за Кубанью в непокорных племенах, но до изъявления сими покорности деньги хранить в Центральной сумме» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 43-43 об.].

На принятие такого решения повлияло и то, что не все представители фамилии Атажукиных, в силу своих родственных связей с аристократическими родами Карачая, приняли участие в конфликте и в его урегулировании. По этой причине они добровольно отказались от получения денег в пользу Атажуко Атажукина. Этот факт иллюстрирует одно из правил функционирования института кровной мести – она не должна была быть направлена против родственников.

В список получателей денег не включили сыновей покойного полковника князя Хаджи Мисоста Атажукина, проживавших в Кабарде, так как они «очень молоды и постоянно не ладятся с Атажукой и Хасанби Атажукиными и находятся в дружбе с карачаевцами» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 80-81 об.]. Закубанских Атажукиных, которые были в дружбе с карачаевцами, также исключили из числа претендентов на получение денежной пени [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 81 об.].

В подтверждение своих слов, что не «корыстолюбивое желание к стяжанию богатства», а понятия о чести руководили им, Атажуко Атажукин не спешил забирать предназначенную ему сумму. Ссылаясь на болезнь и другие причины, он тянул время [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 70]. А между тем, вопрос не мог считаться закрытым, пока в кассе оставались лежать деньги. В Нальчик начальнику Центра Кавказской линии шли требования из Ставрополя и Тифлиса завершить, наконец, это дело.

В 1858 г., как следует из рапорта начальника штаба Кавказской армии, от подполковника князя Атажуко Атажукина была получена расписка в получении 4 тыс. руб. серебром [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 88-88 об.]. Так закончилась эта история, длившаяся 16 лет.

Пользовавшийся уважением среди кабардинцев и авторитетом у российской администрации князь Атажуко Атажукин современниками считался одним из последних носителей традиционных принципов сословной чести и княжеского достоинства. В материалах Комиссии по разбору личных и поземельных прав горцев Терской области, которые были подготовлены незадолго до отмены крепостного права, отмечалось: «... князей, которые бы образом жизни соответствовали прежнему понятию кабардинцев о княжеском достоинстве, в фамилиях Кайтукина, Бекмурзина и Мисостова нет никого,

только в фамилии Атажукина есть еще один представитель древнего типа кабардинского князя, измененный впрочем, влиянием своего времени» [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 754. Л. 9 об.]. Речь шла о полковнике Атажуко Атажукине, умершем в 1868 г., и со смертью которого, по словам В.Н. Потто, «в Кабарде остался ничего не значащий княжеский титул» [Потто 2006: 417].

Заключение

Анализ архивных дел и уголовных преступлений, имевших место в XIX в., позволяет сделать несколько заключений.

К середине XIX в. такие традиционные институты народов Северного Кавказа, как кровная месть, барамта, система композиций, третейский суд не были изжиты из социальной практики, но их функционирование проходило в трансформированной форме.

Учреждение Кабардинского временного суда в 1822 г. и последующая практика уголовного наказания по российским законам проявлений кровной мести, барамты и других традиционных институтов привели к мощному активному и пассивному сопротивлению кабардинского общества. В 20-40 гг. XIX в. происходила массовая эмиграция недовольных политикой российских властей кабардинцев за Кубань, усиливавших численно и организационно антиколониальное сопротивление западных черкесов. Этот факт повлиял на стратегию местного военного начальства, которое стало отходить от буквы российских законов и проводить более гибкую политику в области судопроизводства. Кабардинскому временному суду разрешалось рассматривать дела, касавшиеся убийства, если только они носили частный характер и не были связаны с государственными преступлениями.

Этот процесс следует рассматривать как временную, частичную, взаимную адаптацию различных систем права, вызванную практическими потребностями судопроизводства и текущей социально-политической ситуацией. Поддержка правительством традиционной системы композиций выглядела значительной уступкой обычно-правовым нормам кабардинцев. На самом же деле, как отмечал В.Х. Кажаров, имперская администрация использовала один обычай против другого, рассматривая это как одно из средств изживания обычая кровной мести. Понимая, что невозможно ликвидировать глубинные социально-психологические механизмы функционирования института кровной мести, российские власти взяли на себя функции регулирования системы композиций, что позволяло поставить под контроль и сам институт кровной мести [Кажаров 1994: 420-421].

Гибкость и прагматичность политики местной кавказской администрации демонстрируется в рассмотренном нами архивном деле «О междоусобии происходящем у закубанцев (кабардинцев с карачаевским народом)».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2009 – Абазов А.Х. К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев // Актуальные проблемы истории и этнографии

народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Издательство Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – С. 244-275.

Абазов 2013 – *Абазов А.Х.* Из истории интеграции традиционных социальных институтов кабардинцев в судебную систему Российской Империи в конце XVIII–XIX вв. (на примере посреднических судов) // Культура как фактор стабильности на Северном Кавказе. Материалы региональной научно-практической конференции, проведенной 24 сентября 2013 г. в рамках XVI Международного фестиваля мастеров искусств «Мир Кавказу». – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2013. – С. 91-101.

Абрамович 2003 – *Абрамович А.* Очерк сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897. – Нальчик. Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2003. – Т. 1-2. – Т. 1. – С. 19-71.

Адаты... 1899 – *Адаты* Дагестанской области и Закатальского округа: судоустройство и судопроизводство в частях Кавказского края военно-народного управления / Под ред.: И.Я. Сандрыгайло. – Тифлис: Тип. канцелярии главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1899. – 626 с.

Адыгэ псалъэжъхэр... 1967 – *Адыгэ псалъэжъхэр* томитIу зэхэлъу (Адыгские пословицы и поговорки в 2 томах). Зэхэзылъхьар: ГъукIэмыхъу Iэбубэчыр, КъардэнгъуцI Зырамыку. – Налшык: Эльбрус, 1967. – Т. 2. – с. 454.

Бабич 1999 – *Бабич И.Л.* Судебная реформа и обычное право в адыгской общине // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 2. – С. 17-30.

Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Очерки истории. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 304 с.

Бейтуганов 1998 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. – Нальчик: «Эльбрус», 1998. – 556 с.

Бекулов 2008 – *Бекулов Х.М.* Аул князей Мисостовых и узденя Тогланова: связь поколений и времен (селение Урвань) [Текст] / Х.М. Бекулов. – Нальчик: Эль Фа, 2008. – 672 с.

Бекулов 2011 – *Бекулов Х.М.* Атажукины полюбовно помирились с карачаевцами // Архивы и общество. – Нальчик, 2011. – № 20. – С. 141-143.

Бекулов, Бекулова 2019 – *Бекулов Х.М., Бекулова И.Б.* Эпизоды применения обычного права кабардинцев в разрешении конфликтов и споров в XIX в. // Российский электронный научный журнал / Russian electronic scientific journal. – 2019. – №1 (31). – С. 151-169.

Гарданов 1960 – *Гарданов В.К.* Обычное право как источник изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века // Советская этнография. – 1960. – № 5. – С. 12-29.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – перв. пол. XIX в.). – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1967. – 332 с.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.* Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис, 1870. – Вып. 4. – С. 1-78.

Дельпоццо 2001 – *Дельпоццо И.П.* Записки о Большой и Малой Кабарде: в 2-х т. Т. 1 // Русские авторы о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2001. – С. 7-41.

Думанов 1988 – *Думанов Х.М.* Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 84 с.

Из документальной истории... 2000 – *Из документальной истории* кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. – Нальчик: «Эльбрус», 2000. – 478 с.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик. Издательский центр «Эль-ФА», 1994. – 438 с.

Казаков 2017 – *Казаков А.В.* Черкесы на российской государственной и военной службе. – Нальчик, «Эльбрус», 2017. – 707 с.

Катанчиев 2003 – *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право и его особенности. – Нальчик. Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2003. – 194 с.

Кобахидзе 2009 – *Кобахидзе Е.И.* Традиционная юридическая практика у осетин и ее трансформация в ходе российских судебно-административных преобразований конца XVIII – 50-х годов XIX века // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – С. 215-243.

Ковалевский 1886 – *Ковалевский М.* Современный обычай и древний закон: обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1-2 / Ковалевский М. – М.: Тип. В. Гатцук, 1886. – 756 с.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. / Ковалевский М. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. – Т. 1. – 303 с.; – Т. 2. – 319 с.

Кожев 2001 – *Кожев З.А.* Способы разрешения конфликтов в традиционном черкесском (адыгском) обществе. – В сборнике: Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Материалы научно-практической конференции «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе» 31 мая – 2 июня 2001 г. в г. Цахкадзор (Армения). – С. 43-49 // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт URL: www.kavkaz-uzel.ru/system/attachments/0000/3106/Традиция_разрешения_конфликтов_на_Кавказе_и_методы_институтов_гражданского_общества.pdf (дата обращения: 02.09.2020).

Кузьминов 2000 – *Кузьминов П.А.* Становление российской административно-судебной системы в центральном Предкавказье в конце XVIII – начале XIX века [Текст] / П.А. Кузьминов // Труды Современного гуманитарного университета. – 2000. – № 18. – С. 72-83.

Кумыков 2017 – *Кумыков Т.Х.* Архивы. Материалы Терско-Кубанской сословной комиссии Д.С. Кодзокова. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. – 174 с.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Выпуск 1. – Одесса: Типография П.А. Зеленого (бывшая Г. Ульриха), 1882. – 437 с.

Люлье 1866 – *Люлье Л.Я.* Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухажцев // Записки Кавказского отдела Императорского Русского археологического общества. – Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1866. – Кн. 7. – С. 1-18.

Люлье 2004 – *Люлье Л.Я.* Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – С. 86-99.

Маремкулов 2005 – *Маремкулов А.М.* Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. – Ростов-на-Дону: Изд-во Сев.-Кавказ. акад. гос. службы, 2005. – 316 с.

Материалы по обычному... 1956 – *Материалы по обычному праву кабардинцев.* Первая половина XIX в. / Собрал и подготовил к печати Б.А. Гарданов. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1956. – 428 с.

Материалы Шарданова... 1986 – *Материалы Я.М. Шарданова* по обычному праву кабардинцев первой пол. XIX в. / Сост., введ. и примеч. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 320 с.

Мисроков 2002 – *Мисроков З.Х.* Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.: Издательство Московского университета, 2002. – 256 с.

- Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Загадочный обычай барамта // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. – Нальчик, ООО «Печатный двор», 2015. – С. 139-149.
- Новицкий 1829 – *Новицкий Г.В.* Географо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлиссские ведомости. – Тифлис, 1829. – № 25.
- Ногмов 1947 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа: составленная по преданиям кабардинцев. Текст / Введ., прим. и указ. Г. Кокиева. – 5-е изд. – Нальчик: Кабгосиздат, 1947. – 160 с.
- Потто 2006 – *Потто В.Н.* Кавказская война: в 5 томах. Т. 2: Ермоловское время. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 591 с.
- Правовые нормы... 1997 – *Правовые нормы* адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX веках. – Майкоп: Издательство «Меоты», 1997. – 296 с.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Рулан 1999 – *Рулан Н.* Юридическая антропология. – М. Издательство НОРМА, 1999. – 301 с.
- Сборник... 2003 – *Сборник* документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Издательский центр «ЭЛЬ-ФА». 2003. – Т. 1. – 345 с.; Т. 2. – 384 с.
- Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Воспоминания и документы. – Нальчик. Издательский центр Эль-ФА, 1999. – 492 с.
- УЦГА АС КБР – *Управление Центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской республики.*

REFERENCES

- ABAZOV A.Kh. *Iz istorii integratsii traditsionnykh sotsial'nykh institutov kabardintsev v sudebnuyu sistemu Rossiiskoi Imperii v kontse XVIII-XIX vv. (na primere posrednicheskikh sudov)* [From the history of the integration of traditional social institutions of Kabardians into the judicial system of the Russian Empire at the end of the 18th – 19th centuries (on the example of mediation courts)]. IN: *Kul'tura kak faktor stabil'nosti na Severnom Kavkaze. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, provedennoi 24 sentyabrya 2013 g. v ramkakh XVI Mezhdunarodnogo festivalya masterov iskusstv «Mir Kavkazu»* [Culture as a factor of stability in the North Caucasus. Materials of the regional scientific and practical conference held on September 24, 2013 within the framework of the XVI International Festival of Masters of Arts "Peace to the Caucasus"]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI RAN, 2013. – P. 91-101. (In Russian)
- ABAZOV A.Kh. К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев [To the question of the formation of the conceptual apparatus of legal anthropology of Kabardinians]. IN: *Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza: Sbornik statei k 60-letiyu V.Kh. Kazharova* [Actual problems of the history and ethnography of the peoples of the Caucasus: Collection of articles for the 60th anniversary of V.Kh. Kazharov]. – Nalchik: Izdatel'stvo Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN, 2009. – P. 244-275. (In Russian)
- ABRAMOVICH A. *Oчерк сословного строя в горских обществвах Терской и Кубанской областей* [An outline of the estate system in the mountain societies of Terek and Kuban regions]. IN: *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793-1897* [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus. 1793-1897]. – Nalchik. Institut gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN. Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 2003. – Vol. 1-2. – Vol. 1. – P. 19-71. (In Russian)
- Adaty Dagestanskoi oblasti i Zakatal'skogo okruga: sudoustroistvo i sudoproizvodstvo v chastyakh Kavkazskogo kraya voenno-narodnogo upravleniya / Pod red. I.Ya. Sandrygailo* [Adaty of the Dagestan region and Zakatala district: judicial system and legal proceedings in parts of the

Caucasus region of the military-public administration. Ed. by I.Ya. Sandrygailo]. – Tiflis: Tip. kantselyarii glavnonach. gr. ch. na Kavkaze, 1899. – 626 p. (In Russian)

Adyge psal"ezh'kher tomitlu zekhel"u (*Adygskie poslovitsy i pogovorki v 2 tomakh*). *Zekhezyl"kh'ar: G"uklemykh"u Iebubechyr, K"ardeng"ushchl Zyramyku* [Circassian proverbs and sayings in 2 volumes]. – Nalshyk: El'brus, 1967. – Vol. 2. – P. 454. (In Kabardian)

BABICH I.L. *Sudebnaya reforma i obychnoe pravo v adygskoj obshchine* [Judicial Reform and Customary Law in the Circassian Community]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 1999. – No. 2. – P. 17-30. (In Russian)

BEITUGANOV S.N. *Kabarda i Ermolov. Ocherki istorii* [Kabarda and Ermolov. History Essays]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 304 p. (In Russian)

BEITUGANOV S.N. *Kabarda v familiyakh* [Kabarda in last names]. – Nalchik: «El'brus», 1998. – 556 p. (In Russian)

BEKULOV Kh.M. *Atazhukiny polyubovno pomirilis' s karachaevtsami* [Atazhukins amicably reconciled with Karachais]. IN: *Arkhivy i obshchestvo*. – 2011. – No. 20. – P. 141-143. (In Russian)

BEKULOV Kh.M. *Aul knyazei Misostovykh i uzdenya Toglanova: svyaz' pokolenii i vremen (selenie Urvan')* [The village of the princes Misostov and Uzden Toglanov: the connection of generations and times (Urvan village)]. – Nalchik: El' Fa, 2008. – 672 p. (In Russian)

BEKULOV Kh.M., BEKULOVA I.B. *Epizody primeneniya obychnogo prava kabardintsev v razreshenii konfliktov i sporov v XIX v.* [Episodes of the application of customary law of Kabardians in the resolution of conflicts and disputes in the XIX century] IN: *Rossiiskii elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Russian electronic scientific journal]. – 2019. – No.1 (31). – P. 151-169. (In Russian)

DEL'POTSTSO I.P. *Zapiski o Bol'shoi i Maloi Kabarde: v 2-kh t. T. 1* [Notes on Greater and Lesser Kabarda: in 2 vols. Vol. 1]. IN: *Russkie avtory o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian authors about the peoples of the Central and Northwestern Caucasus]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 2001. – P. 7-41. (In Russian)

DUMANOV Kh.M. *Yakub Shardanov. Iz istorii izucheniya obychnogo prava kabardintsev* [Yakub Shardanov. From the history of the study of customary law of Kabardians]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 84 p. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskich narodov (XVIII – perv. pol. XIX v.)* [The social system of the Adyghe peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1967. – 332 p. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obychnoe pravo kak istochnik izucheniya sotsial'nykh otnoshenii u narodov Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XIX veka* [Customary law as a source for studying social relations among the peoples of the North Caucasus in the 18th – early 19th centuries]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1960. – No. 5. – P. 12-29. (In Russian)

GRABOVSKY N. *Ocherk suda i ugovolnykh prestuplenii v kabardinskom okruge* [Essay on the court and criminal offenses in the Kabardian district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. – Tiflis, 1870. – Iss. 4. – P. 1-78. (In Russian)

Iz dokumental'noi istorii kabardino-russkikh otnoshenii. Vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v. [From the documentary history of Kabardino-Russian relations. The second half of the XVIII – the first half of the XIX century]. – Nalchik: «El'brus», 2000. – 478 p. (In Russian)

KATANCHIEV T.M. *Kabardinskoe obychnoe pravo i ego osobennosti* [Kabardian customary law and its features]. – Nalchik. Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 2003. – 194 p. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Cherkesy na rossiiskoi gosudarstvennoi i voennoi sluzhbe* [Circassians in the Russian state and military service]. – Nalchik, «El'brus», 2017. – 707 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The traditional public institutions of the Kabardians and their crisis in the late XVIII – first half of the XIX century]. – Nalchik. Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 1994. – 438 p. (In Russian)

KOBAKHIDZE E.I. *Traditsionnaya yuridicheskaya praktika u osetin i ee transformatsiya v khode rossiiskikh sudebno-administrativnykh preobrazovaniy kontsa XVIII – 50-kh godov XIX veka* [Ossetian traditional legal practice and its transformation during the Russian judicial and administrative transformations of the late XVIII – 50s of the XIX century]. IN: *Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza. Sbornik statei k 60-letiyu V.Kh. Kazharova* [Actual problems of history and ethnography of the peoples of the Caucasus. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of V.Kh. Kazharov]. – Nalchik: Institut gumanitarnykh issledovaniy pravitel'stva KBR i KBNTs RAN, 2009. – P. 215-243. (In Russian)

KOVALEVSKY M. *Sovremenniy obychai i drevnii zakon: obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. T. 1-2* [Modern custom and ancient law: customary law of Ossetians in historical and comparative coverage. Vol. 1-2]. – M.: Tip. V. Gattsuk, 1886. – 756 p.

KOVALEVSKY M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. – M.: Tip. A.I. Mamontova i Ko, 1890. – Vol. 1. – 303 p.; – Vol. 2. – 319 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Sposoby razresheniya konfliktov v traditsionnom cherkesskom (adygskom) obshchestve* [Ways to resolve conflicts in traditional Circassian (Adyghe) society]. IN: *Traditsiya razresheniya konfliktov na Kavkaze i metody institutov grazhdanskogo obshchestva. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Traditsii narodnoi diplomatii i normy povedeniya vo vremya voyny i konfliktov na Kavkaze» 31 maya – 2 iyunya 2001 g. v g. Tsakhkadzor (Armeniya)* [The tradition of conflict resolution in the Caucasus and the methods of civil society institutions. Materials of the scientific-practical conference "Traditions of people's diplomacy and norms of behavior during war and conflicts in the Caucasus" May 31 – June 2, 2001 in Tsakhkadzor (Armenia)]. – P. 43-49. IN: Internet media "Caucasian Knot": website. URL: www.kavkaz-uzel.ru/system/attachments/0000/3106/Традиция_разрешения_конфликтов_на_Кавказе_и_методы_институтов_гражданского_общества.pdf (date of access: 02.09.2020) (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Arkhivy. Materialy Tersko-Kubanskoj soslovnoj komissii D.S. Kodzokova* [Archives. Materials of the Terek-Kuban estate commission D.S. Kodzokova]. – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2017. – 174 p. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A. *Stanovlenie rossiiskoi administrativno-sudebnoj sistemy v tsentral'nom Predkavkaz'e v kontse XVIII – nachale XIX veka* [Formation of the Russian administrative and judicial system in the central Ciscaucasia at the end of the XVII – the beginning of the XIX centuries]. IN: *Trudy Sovremennogo gumanitarnogo universiteta*. – 2000. – No. 18. – P. 72-83. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vypusk 1* [Adates of the Caucasian Highlanders. Materials on customary law of the North and East Caucasus. Iss. 1]. – Odessa: Tipografiya P.A. Zelenogo (byvshaya G. Ul'rikha), 1882. – 437 p. (In Russian)

LYUL'E L.Ya. *Uchrezhdeniya i narodnye obychai Shapsugov i Natukhazhtsev* [Institutions and folk customs of Shapsugs and Natukhays]. IN: *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Archaeological Society]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1866. – Book 7. – P. 1-18. (In Russian)

LYUL'E L.Ya. *Uchrezhdeniya i narodnye obychai shapsugov i natukhazhtsev* [Institutions and folk customs of Shapsugs and Natukhays]. IN: *Landshaft, etnograficheskie i istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka* [Landscape, ethnographic and historical processes in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2004. – P. 86-99. (In Russian)

MAREMKULOV A.M. *Yuridicheskie formy politiki Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze v XVIII-XIX vv.: istoriko-pravovoi aspekt* [Legal forms of policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 18th – 19th centuries: historical and legal aspects]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Sev.-Kavkaz. akad. gos. sluzhby, 2005. – 316 p. (In Russian)

Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v. / Sobral i podgotovil k pechati B.A. Gardanov [Materials on customary law of Kabardians. The first half of the XIX

century. Ed. by B.A. Gardanov]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1956. – 428 p. (In Russian)

Materialy Ya.M. Shardanova po obychnomu pravu kabardintsev pervoi pol. XIX v. / Sost., vved. i primech. H.M. Dumanov [Materials of Ya.M. Shardanov according to the customary law of the Kabardians of the first half of the 19th century. Ed. by H.M. Dumanov]. – Nalchik: El'brus, 1986. – 320 p. (In Russian)

MISROKOV Z.Kh. *Adat i shariat v rossiiskoi pravovoi sisteme: Istoricheskie sud'by yuridicheskogo plyuralizma na Severnom Kavkaze* [Adat and Sharia in the Russian legal system: the historical fate of legal pluralism in the North Caucasus]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002. – 256 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Zagadochnyi obychai baramta* [The mysterious custom of baramta]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history]. – Nalchik, OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 139-149. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda: sostavlenaya po predaniyam kabardintsev. Tekst / Vved., prim. i ukaz. G. Kokieva* [The history of the Adychian people: compiled according to the traditions of the Kabardins. Ed. by G. Kokiev]. – Nalchik: Kabgosizdat, 1947. – 160 p. (In Russian)

NOVITSKY G.V. *Geografo-statisticheskoe obozrenie zemli, naselennoi narodom Adekhe* [Geographic and statistical survey of the land inhabited by the people of Adyga]. IN: *Tiflisskie vedomosti*. – Tiflis, 1829. – No. 25. (In Russian)

POTTO V.N. *Kavkazskaya voina: v 5 tomakh. T. 2: Ermolovskoe vremya* [The Caucasian War: in 5 volumes. Vol. 2: Ermolov time]. – M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2006. – 591 p. (In Russian)

Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevtsev v XV-XIX vekakh [Legal norms of the Circassians and Balkar-Karachais in the 15th – 19th centuries]. – Maikop: Izdatel'stvo «Meoty», 1997. – 296 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive].

RULAN N. *Yuridicheskaya antropologiya* [Legal anthropology]. – M. Izdatel'stvo NORMA, 1999. – 301 p. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793-1897 [Collection of documents on the class law of the peoples of the North Caucasus. 1793-1897]. – Nalchik: Institut gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN. Izdatel'skii tsentr «EL'-FA». 2003. – Vol. 1. – 345 p.; Vol. 2. – 384 p. (In Russian)

TORNAU F.F. *Sekret'naya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau. Vospominaniya i dokumenty* [Secret mission to Circassia of Russian intelligence agent Baron F.F. Thornau. Memories and documents]. – Nalchik. Izdatel'skii tsentr El'-FA, 1999. – 492 p. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliky* [Office of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic].